

ПРОЕЗЖАЯ МИМО ГУСЛИ-ГОРЫ...
(Слово о Якове Ухсае)

В связи с 215-летием Белебея по любезному приглашению главы администрации Рифа Газизова (спасибо ему!) мне посчастливилось этим летом побывать в городе своей юности. Посещение родных краев, где в детстве и молодости пройдена-проезжана каждая стежка-дорожка, всегда волнительно, оживляет воспоминания. Вот и на сей раз, проезжая мимо Гусли-горы, спокойно и величаво возвышающейся над знаменитым селом Слакбаш, я мысленно вернулся на конец мая 1965 года.

Тогда состоялись большие торжества, посвященные 75-летию основоположника чувашской литературы Константина Иванова. Съехались гости из Москвы, Чебоксар, Уфы, ближайших районов, городов и сел. Я (тогда редактор республиканской газеты "Кызыл тан") возглавлял делегацию деятелей культуры Башкортостана. В центре села на площади перед могилой-памятником поэту состоялся многолюдный, многоязычный митинг. С сердечными словами обратился к землякам и известный чувашский поэт Яков Гаврилович Ухсай.

После митинга местное руководство организовало в честь гостей обед в березняке по дороге из Слакбаша в Сильби. В разгар застолья, улучив момент, Яков Гаврилович пригласил меня пройтись, и мы в обнимку пошли в лес. Он заговорил о своей вечной любви к здешней природе, к красавицам-березам, воспетым Константином Ивановым. Побродив по благоухающему весеннему лесу, мы вошли на опушку и, зачарованные, остановились на вершине Гусли-горы. Перед нашим взором открылась неопишуемой красоты величественная панорама на десятки километров, а где-то внизу чуть слышно журчала речка Слак. После задумчивого молчания Яков Гаврилович, словно стараясь не потревожить сказочный покой, тихим голосом начал читать по-чувашски незнакомые мне стихи:

*Средь зимы
Иль в синем мае
Черный цвет я не люблю -*

*Черных птиц
Не принимаю,
Черной ночи
Не терплю.
Чернозем хорош для злаков;
Только я -
Не семена.
Как бы ты о том ни плакал,
Жизнь
Единожды одна.
Там, где черный ветер свищет,
Черный весь
Средь бела дня,
К сожаленью,
Ждет кладбище
Беспробудного меня... ("На вершине Гусли-горы",
перевод Е.Исаева).*

Я, пораженный, не зная что сказать, молчал.

- Когда я умру,-сказал Ухсай глухо,-похороните меня вот тут, на горе...

- Что с тобой, пичче ? О смерти ли сегодня думать - вон какая благодать кругом ! - попытался я вывести поэта из сумрачного состояния.

- О смерти надо всегда помнить - она ходит в обнимку с жизнью,-сказал Яков Гаврилович грустно. - К тому же я уже дважды старше Константина, старше и Мажита Гафури... Живых...

- Ну и что же ? - не унимался я. - Вон ты какой еще крепкий мужик !

- Я и не собираюсь умереть сегодня, - усмехнулся Ухсай. - Но сказанное - мое тебе поручение. - Перешел на чувашский: - Ку сана маньин пилтэни. (Это тебе мое завещание).

Обратно до праздничного стола мы шли молча...

16 января 1984 года Яков Ухсай, оставшись ночевать у меня дома, подарил двухтомник своих избранных произведений на русском языке, только что вышедший в издательстве "Художественная литература", надписав: "... талантливому другу, весьма хорошему человеку". Едва ли я достоин хотя бы одного из

этих эпитетов, но, не скрою, горжусь ими: заслужить такое от САМОГО Якова Ухсая - большого писателя и до жестокости требовательного старшего товарища - было нелегко, потому - лестно.

Я уж даже не помню, где и когда мы с ним встретились впервые, - мне кажется, что был знаком всегда. Впрочем, так оно и есть: еще мальчишкой читал его стихи (наш татарский аул расположен в окружении чувашских деревень, мы сызмальства общались с ребятами соседней Егоровки и могли изъясняться по-чувашски), повзрослев, слышал разговоры старших о "Слакпучен пучлы ачи" ("головастый парень Слакбаша"), который прямо из Бижбулякской школы сумел поступить в Московский университет, а выучившись, работал в научном институте Уфы, затем стал видным поэтом аж в самом Шупашкаре - в "Мекке" чувашской культуры!

Интерес к творчеству Ухсая, к нему как к человеку у нас, у молодежи Бижбулякского района любой национальности (ровно как и к нашему земляку, видному татарскому поэту-патриоту Фатиху Кариму) был велик еще потому, что Яков Гаврилович родом из одной деревни с Константином Ивановым, более того - его родственник; а об Иванове мы знали хорошо, им гордились - ведь земляк, его бессмертная поэма - о наших краях. Познакомившись лично, мы с Ухсаем сошлись быстро именно потому, что я тогда мог полностью читать наизусть, причем на чувашском языке, поэму "Нарспи".

... Вернувшись с войны, я был избран секретарем Бижбулякского райкома ВЛКСМ. В начале 1947 года райпартактив разъехался по колхозам в качестве уполномоченных райкома партии по подготовке и проведению весеннего сева. Мне "достался" слакбашевский колхоз, который тогда входил в Бижбулякский район.

"Разъехался" - это громко сказано, большинство не имели никакого транспорта и ... разошлись. Я прошагал 30 с лишним верст по занесенной снегом дороге и в знаменитом селе оказался только к ночи. Мне, усталому и голодному, было не до достопримечательностей, к тому же знал, что положение хозяйства более чем печальное: военное лихолетье да прошлогодняя засуха основательно подорвали его экономику. В просторном кабинете конторы колхоза, построенной перед войной на широкую ногу, председатель Александров, озабоченно

почесывая затылок, говорил: "Кони зимовали без фуража - отощали, осенью план вспашки зяби не выполнили - предстоит почти 300 гектаров всновспашки, семян практически нет - будем возить ссуду из "Заготзерно". Как проведем ссв - ума не приложу..."

Утром - первая весть: умер одинокий старик. "Ой, туры, туры (туры - бог),-причитали женщины, - сыновья погибли на фронте, старуха ушла христарадничать и не вернулась, сгинула..." Не успели похоронить старика, умер еще один человек, потом - еще, еще... Пока дождались борщевки, крапивы и других съедобных трав, погибли 9 человек; причина одна - истощение. Проблемой было как хоронить покойников: у людей нет сил копать мерзлый грунт; решением правления могилкопоам выделяли по 200 граммов муки из того скудного запаса, который берегли для пахарей и сеяльщиков. Каждое утро у коровника собирались женщины и дети: как только ветсанитар заактирует смерть подошедшей ночью скотины, ее начинали разрубать топорами и делить - употреблять в пищу падаль перестало быть запретным... В тот год слакбашевские женщины лопатами выкопали 80 гектаров земли. Свои сотки, которые они по три раза в день (на завтрак, обед и ужин) поднимали в поисках перезимовавшей прошлогодней картошки, чтобы накормить голодных детей, и не в счет. Ох, как прав был Яков Гаврилович:

"...им досталось

Столько горя

И столько выплакали слез,

Что расплескалось бы

Тут море

От пойм низинных

До берез". ("Слакпусь", перевод А.Зайца).

Таким я застал послевоенный Слакбаш. Но мне все равно повезло: находился тут почти 3 месяца, ходил по местам, где творили, радовались и грустили Константин Иванов и Яков Ухсай, пообщался с их односельчанами. Тогда уже прошло более 30 лет, как не стало Иванова, а слакбашевцы обращались с ним как с живым, то и дело я слышал: "Кечтентин говорит так", "У Кечтентина сказано вот что" - и с ходу приводили отрывки из стихов, из поэмы. Было поистине по-ухсаевски:

Прошли года,

но и поныне

Поэт в сердцах людей живет.

Вовеки о великом сыне

Не забудет наш народ. ("Лес Иванова",

перевод П.Градова).

После того, как дела с весенним севом немного наладились, я забрел однажды в дом-музей поэта в центре деревни. С заведующим музеем Петром Кудряшовым мы быстро нашли общий язык, - он подкупил меня неординарностью суждений, своей беззаветной, прямо-таки фанатичной верностью памяти поэта. При первой же встрече он процитировал Иванова:

Наступила всем на радость

Благодатная весна.

Горячо лаская, солнце

Будит землю ото сна. (Выдержки из "Нарспи"

приводятся в переводе П.Хузангая).

И выпалил:

- Кечтентин все знал, все чувал - вот и писал. Получилось все по нему: весна принесла Победу, растопила фашизма лед, придет лето - позабудутся сегодняшние беды...

- Простите, - не выдержал я, - война, Победа и ... Иванов. Дистанция...

- Огромная! - подхватил заведующий. - Кечтентин погиб за 30 лет и две недели до Победы. Говорю "погиб", ибо в 25 лет естественной смертью не умирают - погибают: от болезней, от вражеской пули, от несправедливости, от людской жестокости и подлости. Причин много, а конец один - гибель...

Он мне много рассказывал о Константине Иванове и однажды предложил:

- По моему разумению, вы тут пробудете до конца сева, это значит до самого лета. Не тратьте время впустую - берите вот эту книгу - изучайте язык. Верю, что овладеете - вы же уже владеете русским, татарским и башкирским. И немного чувашским. Возмисьте! Придет время - будете гордиться: "Я чувашский выучил в родной деревне Кечтентина, в его родном доме!" Не каждому дано такое счастье!

Счастье ли, нет ли, но с того дня я занялся языком: читал книгу-учебник для детей, составленный при участии К.В.Иванова, с людьми общался на чувашском, даже на собраниях стал выступать на этом языке. Конечно, с ошибками, но старался. А когда овладел "азами" чувашского, заведующий вручил мне "Нарспи" в оригинале:

- Выучите наизусть! У нас ее знает почти каждый, особенно женщины, в войну мужьям отрывки посылали на фронт. Нар - образ чистоты, красоты; полюбите его - найдете общий язык со здешним населением. Молодежному вожаку это важно! - И прочитал наизусть конец поэмы:

*В тесный гроб легла, оставив
Славу честную свою.
Песни грустные сложила,
Все их помнят и поют.
И поныне сильбияне
Суховейную порой
Поливают дерн над нею
Родниковую водой.*

- Вот так-то, брат! В этих словах - нежная душа всего чувашского народа! - В глазах у заведующего стояли слезы. Я крепко пожал ему руку и дал обещание:

- Выучу! Непременно выучу поэму!

И выучил! За это потом меня часто хвалил Яков Ухсай; "Нарспи" объединила наши с ним сердца. Удивительно ли, что до конца своей жизни он называл меня "шылым" (братишкой), а я его - "пичче" (старшим братом).

Когда меня называют другом Якова Ухсая, мне порою бывает неловко - ведь он, этот архискромный, но поистине великий человек, был связан многолетней дружбой с такими крупнейшими деятелями литературы, как Александр Твардовский и Мажит Гафури, Ярослав Смеляков и Муса Джалиль, Егор Исаев и Хасан Туфан, Михаил Светлов и многие другие. Но жизнь сложилась так, что мы были нужны друг другу, нас связывало единство взглядов на историю и современность, на события и людей. С Яковом Гавриловичем мы много раз встречались на съездах писателей СССР и РСФСР в Москве, он часто приезжал в Уфу, ездил в родные края - Бижбуляк, Белебей, Слакбаш, Сильби, любил бывать в Базлыке и в моем родном ауле Мусино, зайти на чашку чая к моим родственникам, как к своим близким.

И, конечно же, я храню самые теплые воспоминания о его посещениях меня на работе и особенно дома. А в мае 1976 года,

когда меня угораздило заболеть и лечь в больницу, он приехал в лечебницу. Здесь в ходе беседы я фломастером набросал его портрет; Яков Гаврилович сказал "лайых" (хорошо) и подписался под ним.

Не раз мы сидели за чашкой чая в кругу моей семьи, беседовали о житье-бытье как на духу. Нет, не просто гостем он бывал - хвалил за хорошее, журил за недостатки. Таков уж был Яков-пичче человек: ни под кого не подлаживался, никогда не кривил душой. И до всего ему было дело, он давно уже был страстным борцом за перестройку нашего общества, но не за такую, в какую превратили ее "демократы".

Яков Гаврилович был человеком с нежной душой, с обнаженными нервами - ведь было ему суждено родиться поэтом, жить для поэзии и в поэзии. Ох, как небезоблачна эта жизнь! "Время, в котором мы жили и живем, - писал он поэту В.Туркину (март 1980 года), - огромно, его шаги тяжелы, в нем бывают ошибки и перегибы. Опасно, когда они становятся постоянными и на их волне поднимаются на святейший Олимп бездарные виршеплеты, шарлатаны-рифмачи, эстрадные крикуны и визгливые бабенки, а талант настоящий остается вне общественного внимания." Вспомнив, какие беды навалились в конце 30-х годов на головы Ярослава Смелякова, Александра Твардовского, Ухсай писал: "К сожалению, много трещин в сердцах у многих поэтов нашей суровой эпохи".

А у самого Якова Гавриловича? Родственники по линии отца и матери, в том числе два брата Константина Иванова, были раскулачены. И все же он написал колхозную поэму "Свадьба" и вместе с Педером Хузангаем - "Письмо чувашского народа Сталину". В неопубликованной при жизни поэме "Симбирская хроника" есть такие строки:

*А было так: один редактор
Решал судьбу моих стихов
И поучал: "Ты пишешь как-то
Не так. Услышь эпохи зов!
Не трать на всякие детали
Советскую бумагу ты,
Наш идеал - великий Сталин,
Лишь с ним сверяй свои мечты.* (Перевод и
публикация Аристарха Дмитрисва).

"Письмо Сталину" было опубликовано в 1937 году. В том

же году авторы были объявлены "врагами народа": Хузангай посажен (просидел 9 месяцев), Ухсай лишен права работать в печати. Добрые люди помогли ему устроиться преподавателем в далеком районе, но вскоре и оттуда он был вышвырнут с объявлением в печати. "Когда в небольшом селе я выходил на улицу, люди сторонились меня, боялись, как чумы, - вспоминал Яков Гаврилович. - Хозяин, совсем недавно гордившийся тем, что в его доме живет выдающийся поэт, автор письма товарищу Сталину, просил со слезами на глазах оставить его угол. А ночью два человека водили меня на допросы и держали до рассвета". Во время одного из допросов Якову удалось вырвать у следователя пистолет и он, приставив оружие ко лбу начальника, потребовал подписать бумагу с разрешением выехать из этого района. Заимев такую бумагу, он на попутной грузовой машине доехал до станции Канаш. Тогда еще не было железной дороги до Чебоксар, редко курсировали автобусы. Однако, когда он наконец пробился к кассе, кассирша, "опознав" в нем "врага", отказалась продать билет. Глубокой ночью, надеясь на то, что в темноте его никто не узнает, Ухсай сел на грузовик, груженный столами, стульями и шкапами. Но на крутом повороте в семи верстах от города Цивильска машина резко повернула и горемыка-пассажир, вылетев, потерял сознание.

- Очнулся утром 16 октября 1937 года на мерзлой земле с разбитой левой ногой и разбитой грудью, - вспоминал Яков Гаврилович. - Пролежал до рассвета. Услышав тарыхтение крестьянской телеги, я что-то закричал. Немолодая чувашка на телеге довезла меня до районной вонючей больницы. И там я, к несчастью, был узнан и оказался в коридоре: врач отказался поместить меня в палату.

Вот они откуда, "трещины в сердце"...

В дальнейшем, можно сказать, чудом да стараниями Александра Фадеева поэту удалось избежать трагической участи многих своих собратьев по литературному цеху.

В войну Ухсай, несмотря на инвалидность, добился отправки на фронт и прошел боевой путь до великой Победы. В поэме "Сильбийский родник" он писал:

При военной непогоде

Я, как все, фашистств бил,

Был с народом и в народе -

И народ со мною был. (Перевод А. Дмитриева).

В ту нашу последнюю встречу зимой 1984 года после чая я достал свою тальянку и растянул меха, а Яков Гаврилович - страстный любитель народной музыки, - полуприкрыв веки, задумчиво слушал, весь уходя куда-то в свое далеко. Было время, когда я носился с идеей организации праздника тальянки, возрождения былой славы гармошки. Напомнил поэту строки из его раннего стихотворения "Встреча с друзьями":

*Как встарь, под дальний плеск гармони
Друзья толкуют у села,
Встречают, крепко жмут ладони,
"Здоров ? - смеются, - Как дела ?"* (Перевод

Г.Чиж).

Яков Гаврилович - сын народа, у которого, как говорят, сто тысяч слов, сто тысяч песен и сто тысяч вышивок - с ходу понял меня, - ведь он сам всю жизнь боролся за сохранение народных жемчужин, против тлетворного влияния "прелестей цивилизации".

- Доброе дело задумали, шильным, - сказал. - Я еще 20 лет назад устами пузыряста Игната говорил:

*"Забыты
Звонкие забавы,
Гляжу на солнце,
Как во тьму.
Теперь ни почести, ни славы
Нет инструменту моему.
Бывало,
Что на тире лучшем
Ревел лишь мой пузырь один.
Мою игру
Нередко слушал,
Хвалил
Покойный Константин".* ("Слакпусь",

перевод А.Зайца).

- Вот ты сам дома играешь на гармошке, - продолжал Ухсай, - а на работе как ? Какую политику в этом вопросе вы проводите ?

- Принимал я недавно группу иностранных корреспондентов, - поведал я в ответ. - В беседе коснулись и темы состояния литературы и искусства. Представитель одной запад-

ной газеты высказал при этом мысль, что в Советском Союзе будто ведется политика унификации культур, что самобытная культура малых народов постепенно вымирает, а партийные органы способствуют этому. "Как вы на это смотрите?" - спросил он. Я не стал отвечать, просто достал из шкафа тальянку и заиграл. Благо, что каждый мастер хочет показать мне свой инструмент, и в кабинете временами бывает по несколько вариантов гармошек, кубыза и курая, - мы наладили их производство. Вопрос снялся сам собой...

- Да, аргумент... - Яков Гаврилович погладил мою тальянку: - Добрый инструмент... Эти производите, шыпыра забыл?

(Шыпыр - чувашский народный музыкальный инструмент - пузырь).

- Признаться, не думали...

Поэт глубоко вздохнул:

- Шыпыра ан ман, шыллым! (Про пузырь не забудь, браток!).

Я пригласил Ухсая на праздник тальянки. Он очень хотел, но не сумел приехать. Приехал бы - порадовался: на празднике были и пузыристы, в том числе и из Базлыка - большого чувашского села Бижбулякского района, где часто бывал и имел много друзей и поклонников.

"Нет ничего старше хлеба, нет ничего дороже земли" - это жизненное кредо поэта, которому он никогда не изменял. Ярким свидетельством тому - не только его стихотворенные произведения, но и страстные публицистические выступления в печати, многие письма, которые хранятся у меня.

Бесценным духовным богатством он считал язык, родное слово. Глубочайшее уважение он питал не только к чувашскому и русскому языкам, но и к башкирскому и татарскому, которыми владел в совершенстве. Помнится, на одном съезде писателей Башкирии (кажется, на 3-м, в 1963 году) с учетом того, что много гостей из Москвы и других городов, доклады, а затем и выступления, произносились на русском языке. Когда слово было предоставлено народному поэту Чувашии, Яков Ухсай начал: "Здесь, видать, позабыли родной язык, так я вам покажу, как он красив и как много можно на нем выразить", и выступил на чис-

тейшем банкирском языке...

А как тревожили поэта уход из нашей жизни духовности, утеря милосердия, человеческого сочувствия к ближнему, сострадания, стремление жить только своими заботами и только для себя. Обращаясь к односельчанам, еще в середине 60-х годов он писал:

*Да, жилось вам, друзья,
Несладко.
Но счастье
Есть теперь у вас.
А почему же
Дом солдатки
Там покосившийся,
Увяз ? ("Слакпусь", перевод А.Зайца).*

Испытавший на своей шкуре (буквально!) "прелести" времен репрессий, Ухсай считал отвратительным проявлением падения нравов всевозрастающий поток в "инстанции" анонимных писем-доносов. Особую неприязнь вызывали у него доносы друг на друга деятелей литературы и искусства, то есть тех, кто считает себя "красой и гордостью" нации, "совестью народа".

- Ухмахсем! - говорил он брезгливо. - Дураки! Куда уж им до "совести"!

Таким был мой друг и брат Яков Гаврилович Ухсай. Таким он живет в моей памяти.

Этой осенью Якову Ухсаю исполняется 85. Уже десять лет, как он ушел из жизни.

Тогда, в мае 1965 года, на юбилее Константина Иванова я не принял всерьез слова поэта о смерти, но он мне и потом не раз напоминал о заветном месте своей вечной лежанки. В последний его приезд в Уфу, стараясь перевести разговор в шутку, сказал:

- Похороним, где укажешь, только чур - умри раньше меня!..

Поэт шутку не принял:

- Вот и договорились... К тому же ты на десять с лишним лет моложе меня - дожدهшься моей кончины.

Эх, если бы знать!

В ночь смерти Якова Гавриловича мне позвонила дочь

поэта Елена. Оказывается, в последние минуты своей жизни Яков Гаврилович вспомнил о нашем разговоре и сказал, что, если будут осложнения с похоронами, надо связаться со мной.

"Осложнений" не было, но по вполне понятной причине руководство Чувашской республики решило похоронить своего народного поэта на чувашской земле. На утро я связался по телефону с первым секретарем Чувашского обкома КПСС, со своим другом Ильей Павловичем Прокопьевым, рассказал ему о нашем давнем разговоре с Яковом Ухсаем. Он понял меня и с уважением отнесся к завещанию поэта. И тело его легло там, где хотел живой Ухсай.

И мечта его жива:

*И не будет
в мире горя,
Слез не будет -
Будет смех.
И взойдет на Гусли-гору
Мной воспетый
Человек.
И на розовом закате -
Вся страна ему видна. ("На вершине Гусли-
горы", перевод Е.Исаева).*

... По пути в Белебей, проезжая мимо величавой Гусли-горы, где покоятся останки великого Человека, я подумал: "На всю страну, на весь мир виден и сам наш незабвенный Яков Гаврилович Ухсай - сын чувашского народа Башкортостана..."

1-3 августа 1996 г.

Статья опубликована в газете
"Известия Башкортостана"
11 и 12 сентября 1996 года.